

УДК 336.2(09)
ББК 65.261.41г

С.К. Содномова

ИСТОРИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ БУРЯТ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Рассматриваются история налогообложения бурят с момента присоединения Сибири к России, размеры налогов с бурят, а также причины и возможности усиления тяжести налогового бремени. Показывается взаимосвязь размеров налогообложения с поступлениями в казну.

Ключевые слова: Сибирь, история, налогообложение, буряты.

S.K. Sodnomova

HISTORY OF TAXING THE BURYATS I N THE PRE-SOVIET PERIOD

The article deals with history of taxing the Buryats since the time of Russia's absorption of Siberia, tax amount, reasons for and ways of increasing tax burden, as well as interdependence of tax amount and tax revenues.

Keywords: Siberia, history, taxation, buryats.

Присоединение Сибири к России происходило в XVI–XVII вв. Русские, продвигаясь на восток, имели целью пополнение казны, в первую очередь, пушниной. Пушнина или «мягкая рухлядь» занимала 1–2 место в экспорте России. Причиной этого было то, что еще не были изысканы и разработаны месторождения полезных ископаемых, таких как золото и серебро, недостаток которых возмещался мехами, в первую очередь, соболинами. Сбор пушнины стал одной из основных задач вновь назначаемых администраций на пути продвижения русских на Восток.

Продвигаясь на восток, служивые люди встретили достаточно много разных племен. Среди них выделялись многочисленные племена бурят, которые по своему экономическому положению были выше своих соседей, были более организованы, лучше вооружены и могли оказать определенное сопротивление. Чтобы не вызвать противостояния, на них была возложена уплата дани — «ясака» — в меньшем размере, чем на другие народности.

Размер ясака не был точно определен. Вначале, приведя в подданство тот или иной улус, казачьи атаманы брали столько пушнины, сколько удавалось получить. В 1658 г. из-за бесчинств Похабова балаганские буряты бежали со своих кочевий в пределы Монголии. Казне был нанесен значительный урон.

Только к концу XVII в. удалось упорядочить размер ясака. К тому времени у каждого острога имелись более или менее точные сведения о числе улусов, с указанием числа плательщиков ясака и размера его с каждой души. В число плательщиков ясака были записаны все мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. За малолетних размер ясака был вдвое меньше, а старики вовсе освобождались от уплаты, но с условием включения за них в число плательщиков подростков.

Ясак исчислялся в соболях, размер которого колебался от одного до шести соболей в год. Ясак определялся для каждого улуса или рода

в отдельности, «...смотря по людям и промыслам». Для бурят не было установлено единой нормы: буряты Прибайкалья платили больше, забайкальские меньше. Такой расклад был обусловлен близостью к границе и возможностью последних откочевать в Монголию.

С течением времени ясак, в виде соболей, начинает заменяться другими видами пушнины, скотом и деньгами. Этому были объективные причины. Так, если до озера Байкал при продвижении на восток русские шли через лесные массивы, то в Забайкалье начинают преобладать степи, где основным занятием местного населения было скотоводство.

Фактически, в ясак принималась разная пушнина, несмотря на то, что исчисление ясака велось в соболях. За 1 соболя в конце 17 в. засчитывали 1 волка или 1 лисицу, 1 выдру, 1 рысь, 1 росомаху, 2 кошколка, 10 белок, 1 р. деньгами, за чернобурых лисиц и сиводушек засчитывалось по 2 и по 3 соболя, за бобра засчитывалось 2 соболя.

Необходимость уплаты ясака в Прибайкалье привела к развитию пушной торговли, главными предметами которой были соболи, горностаи, белки, волки, медведи. Продавались шкуры сохатых, изюбрей (маралов), косуль.

В XVII в. царские воеводы в Сибири применяли систему заложников — «аманатов», которых брали из среды «лучших людей» или семей князьцов- бурят. Это делалось в качестве гарантии аккуратной уплаты ясака в казну.

Аманаты содержались в острогах за счет казны. Расходы на «корм» аманатам постоянно фигурируют в отчетах острогов и зимовий.

Постепенно в счет ясака стали принимать скот. Дело в том, что бурятам часто приходилось в уплату ясака покупать пушнину у эвенков в обмен на скот. Поэтому они неоднократно поднимали вопрос перед властями о замене пушнины скотом. В 1703 г. на челобитную верхоленских бурят из Сибирского приказа последовал указ, разрешавший при уплате ясака заменять пушнину скотом. Хоринские буряты еще раньше стали платить ясак лисицами и скотом. Для «мунгальских выходцев» в Забайкалье была установлена самая низкая ставка ясака, причем с некоторых родов он собирался не пушниной, а скотом. По договору 1689 г. табангутские тайши-бурятские нойоны обязывались платить в Селенгинский острог с каждого улуса по 50 добрых лошадей, быков и баранов.

Позже такой порядок устанавливается для всех бурят. О количестве ясака, собираемого с бурят и эвенков, некоторое представление дают следующие цифры. В 1658 г. только в Братском и Балаганском острогах было собрано с ясачных людей 1 559 соболей и 9 лисиц.

Если перевести в денежный эквивалент, то для ясачных людей соболя оценивался от 1 до 1,5 р., в то время, как реальная цена была в диапазоне от 5 до 20 р. в зависимости от меха. Для сравнения: пуд говядины стоил 28 к., овца — 30–36 к., пуд соли — 20 к.

По некоторым оценкам в XVII в. из Восточной Сибири вывозилось только соболей до 23 тыс. шкурок в год [6].

Одним из направлений деятельности русского правительства было крещение бурят. Для новокрещенных, в качестве ценного подарка, была предусмотрена выдача сапог и ружья. Преследуя меркантильный интерес, некоторые буряты обряд крещения проходили по несколько раз, каждый раз называя новое имя. А, так как для русских все буряты были на одно лицо, то это не представляло особого труда. Монастыри освобождали новокрещенных от уплаты ясака и выделяли небольшие ссуды на обустройство земледельческим хозяйством. По истечении определенного времени каждый, получивший их, должен был пахать пашню на монас-

тырь и выполнять монастырские повинности; но на первое время ссуда была кое-каким подспорьем для неимущей бедноты.

Русские купцы, пользуясь неграмотностью бурят, часто составляли расписки с произвольным указанием суммы долга. Правительство вынужденно было в 1748 г. издать указ, согласно которому предписывалось: «Никаких писем (расписок) на иноверцев и новокрещенных не писать и не брать, разве которые сами писать умеют, и у тех брать на их языке "...с засвидетельствованием старшины и объявлением в главной своей команде", где должна производиться запись в книге. В противном случае долговые расписки считались недействительными; кроме того, указ предписывал: «Если кто по таким письмам (распискам) будет долгов искать, оных штрафовать без упущения».

В 60-х гг. XVIII в. из бурят и эвенков были сформированы казачьи полки для охраны границ. Казаки, служившие в нем, освобождались от платежа ясака и получали 6 р. жалованья в год. Срок службы не был определен, увольнялись в отставку только дряхлые и неспособные.

Привлечение бурят и эвенков к охране границ было оправдано. Вот что писал о бурятах русский посол Владислав Рагузинский, принимавший участие в переговорах об определении границ России с Китаем и Монголией: «Служат верою России, не уступая природным россиянам: своим оружием и кочеванием границу распространяли, мунгальской землицы великою частью завладели, на границе с великим чаюнием и верностью были доброоружны и доброконны, держали оную почти по всему расстоянию в многолюдстве. Прикрытием границ и разъездами служили без жалования с добрым сердцем и учтивостью, на которых я имел большую надежду, видя их храбрость и добросердие» [1, с. 16].

Начиная с конца XVII в., натуральная форма уплаты ясака постепенно заменяется денежной. За сбором ясака, выполнением казенных повинностей следили выборные из числа местной знати.

По инструкции 1763 г. полагалось ясачный оклад платить в казну ежегодно деньгами «...не с каждого порознь, но суммою со всего улуса». В среднем, ясак составлял 3 р. 20 к. на ревизскую душу (мужского пола), но фактически он превышал эту сумму. За счет включения в число плательщиков малолетних и престарелых, фактическая сумма ясака с учетом недоимок прошлых лет доходила до 8 р. Плюс к этому происходило увеличение ясака за счет поборов родовых начальников и царских чиновников. Кроме уплаты ясака, буряты выполняли разные повинности: отбывали подводную гоньбу, исправляли дороги, несли пограничные караулы, доставляли дрова, строительные материалы, шерсть для казенных предприятий.

Возложение осуществления контроля за сбором ясака и исполнением других повинностей на родовых начальников давало практически неограниченную власть им над другими сородичами. Начальники-нойоны уплату налога производили от лица всего рода, но потом уже делали раскладку налога с прибылью для себя. При казенных поставках шерсти, скота и дров нойоны также удерживали в свою пользу определенную часть — «посреднический процент».

По уложению 1781 г. ответственность по долгам носила как имущественный, так и личный характер. Переход на денежную форму уплаты ясака был обусловлен уменьшением удельного веса охоты в хозяйстве бурят, развитием скотоводческо-земледельческого хозяйства и внедрением в это хозяйство товарно-денежных отношений.

Источниками уплаты ясака бурятами и главными средствами существования считались уже не охота, а скотоводство и хлебопашество.

Хлеб был не только предметом собственного пропитания, но и товаром, доставлявшим денежные доходы для уплаты казенных сборов и покупки новых товаров.

В бурятских ведомствах появились мельницы и хлебные экономические магазины. Натуральные (по 6 гарнцев хлеба с ревизской души) и денежные (по 3 коп. с души) взносы для хлебных экономических магазинов ежегодно взимались, составляя «капитал народного продовольствия» на случай неурожайных лет и для выдачи ссуд под посеvy.

Начиная с 1819 г., при раскладке податей и повинностей было установлено разделение улусных жителей на «...классы по состоянию на 4 разряда».

К первому «классу» были отнесены «...самые богатые, которые имеют превосходное изобилие в скотоводстве, хлебопашестве, сверх того занимаются извозом тягостей и прочего, судя по промышленности» (промыслу). Ко второму «классу» относились «достаточные», которые «...имеют умеренное скотоводство и хлебопашество и не имеют ни в чем недостатка». К третьему «классу» причислялись те, которые «...имеют только небольшое количество пашни, сенокосов, скота, необходимого для обрабатывания оных и для домашнего прихода и, которые непосредственно могут исправлять государственные подати и общественные повинности». Наконец, к четвертому «классу» причисляли «...совершенно неимущих, тех, которые престарелых лет, неизлечимых в болезни, малолетних и, вместе не имеющих ни родственников, ни состояния».

Из этого можно делать вывод о значительной дифференциации населения по уровню дохода. По данным «Статистического обозрения Сибири» (1810 г.) крупные бурятские скотовладельцы имели до 4 тыс. лошадей, от 2 до 3 тыс. рогатого скота, до 800 овец и до 1 тыс. верблюдов.

О количестве бедняков имеются следующие данные. В 1840 г. у селенгинских бурят на 6 703 плательщика податных сборов приходилось 2 874 неимущих. В ведомстве отмечено 475 ревизских душ «бездомовых», которые не имели своих жилищ, а жили у хозяев. Работник получал от 20 до 60 р. в год на «хозяйском содержании».

Распределение земельных угодий в улусах происходило в большинстве случаев не по душам, а по количеству голов скота.

Нужда населения в деньгах, товарах, кредите привела к росту ростовщичества. В первой четверти XIX в. ростовщичество приняло столь широкие размеры, что стало затрагивать интересы государственной казны. Попавшие в кабалу крестьяне уже не могли быть исправными плательщиками податных сборов, исполнителями казенных повинностей.

Положение простых бурят усугублялось тем, что наряду с поборами и вымогательствами со стороны царских чиновников возрастало давление со стороны родовых начальников. Например, хоринский родоначальник Дымбыл Галсанов в 1818–1819 гг. собрал «без всякой надобности» и присвоил себе 128 тыс. р., огромные, по тем временам, деньги.

«Недозволенные денежные обороты» заключались в присвоении денег во время казенных и общественных сборов, а также подрядов и поставок в казну, в вымогательстве взяток, использовании этих поборов для торгово-ростовщических оборотов.

В результате злоупотреблений чиновников уменьшались поступления в казну денежных и натуральных сборов, приходили в упадок казенные предприятия.

Ревизия во главе с М.М. Сперанским вскрыла многочисленные нарушения. Из 681 чел., обвиненных в злоупотреблениях, 255 были бурятскими нойонами. По реформе Сперанского были учреждены степные

думы, однако, цель — ограничить личную власть главных родовых начальников коллегиальностью — не была достигнута, так как в степной думе заседали те же нойоны.

С 1886 по 1890 г. в Иркутской губернии были ликвидированы степные думы. Вместо 7 степных дум было образовано 23 инородные управы.

В 1900 г. статс-секретарь Куломзин, предлагая проект об устройстве забайкальских бурят, писал: «Означенная мера, (т.е. ликвидация степных дум в Иркутской губернии) несомненно принесла уже большую пользу, уничтожив среди бурят понятие о себе... приблизив население к надзору и воздействию правительственных органов».

Платежи и повинности бурятского населения на конец XIX в. слагались из ясака, подушной подати, сборов на частные повинности, межевого капитала, губернского сбора и сборов на думские, управские, булучные, родовые расходы, а также из сборов на подводную и дорожные повинности.

По данным комиссии Куломзина, на все перечисленные виды платежей и повинностей взималось с каждой рабочей души: с Агинских бурят — 9 р. 45 к., с Хоринских — 13 р. 17 к., с Кударинских — 20 р. 45 к. Фактический размер обложения бурятского населения был выше, ибо в указанные суммы не вошли сборы на «экстренную гоньбу», стоимость исправления местных дорог, «темные поборы» должностных лиц и поборы в пользу дацанов.

Столыпинская реформа нанесла значительный урон хозяйствам бурят за счет установления 15 десятинной нормы надела на душу мужского пола. Эта норма ни в коей мере не обеспечивала потребности бурятского хозяйства, ибо иркутские буряты занимались земледелием в такой же мере, как русские крестьяне, но содержали скота, по сравнению с ними, в несколько раз больше. Интересы инородцев были стеснены для сохранения помещичьих земель в европейской части России. У иркутских бурят было изъято в колонизационный фонд 53% их земель, у забайкальских — 36%. В 1904 г. в Бурятии было введено военное положение.

На дальнейшее развитие налогообложения оказали влияние события 1905 г. и других последующих годов, связанных с ними событий.

Список использованной литературы

1. Базаров Б.В. Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX вв.: к 350-летию присоединения Бурятии к России / Б.В. Базаров // Вестник БНЦ СО РАН. — 2011. — № 2. — С. 14–19.

2. Порталь Рोजе. Русские в Сибири в XVII в. [Электронный ресурс] / Рोजе Порталь // Сибирская Заимка: история Сибири в научных публикациях. — URL: <http://zaimka.ru/portal-russkie-v-sibiri/> (дата обращения 15 марта 2012 г.).

Referenses

1. Bazarov B.V. Istoricheskii opyt vzaimodeistviya narodov i tsivilizatsii XVII–XIX vv.: k 350-letiyu prisoedineniya Buryatii k Rossii / B.V. Bazarov // Vestnik BNTs SO RAN. — 2011. — № 2. — S. 14–19.

2. Portal' Rozhe. Russkie v Sibiri v XVII v. [Elektronnyi resurs] / Rozhe Portal' // Sibirskaya Zaimka: istoriya Sibiri v nauchnykh publikatsiyakh. — URL: <http://zaimka.ru/portal-russkie-v-sibiri/> (data obrashcheniya 15 March 2012 g.).

Информация об авторе

Содномова Светлана Константиновна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра налогов и таможенного дела, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: sodn@isea.ru.

Author

Sodnomova Svetlana Konstantinovna — PhD in Economics, Associate Professor, Chair of Taxes and Customs, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: sodn@isea.ru.